

Рассказ Василия Степановича Рыбинского из Илецкого городка (о Емельяне Пугачеве в передаче И. И. Железнова)

— ...Когда он подступал под наш город, — говорил восьмидесятишестилетний старик, житель Илецкого городка, Василий Степанович Рыбинский, — атаман Портнов подготовил команду, чтобы не впускать его в наш город и не кориться ему. Сначала казаки послушались атамана, — человек-то он был хороший, казаки любили его, и по его приказу подпилили сваи под мостом, чтобы нельзя было по нем пройти. А он, не будь дурен, заехал с яицкими казаками вверх от города и вплавь перебрались через Яик на нашу сторону. Атаман Портнов, Лазарь Иваныч, и команда в триста человек стоят у моста и ждут, думают, что он тут на них пойдет, а он задом вступил в город и взял его. Команда оробела и преклонилась ему. Лазарь Иваныч и тут вздумал супротивничать, и потому самому Петр Федорович велел казнить его, и повесили Лазаря Иваныча!.. А есаул Жеребятников успел ускакать в Оленбург и тем самым избежал казни.

— Родитель мой, — продолжал рассказчик, — состоял при Петре Федоровиче, но не долгое время. Из-под Татищевой, когда князь Голицын разбил их, отец мой бежал домой; а после при допросах отрекся, показал, — что состоял при нем из-под неволи, смотря на других; а когда-де уверовал, что он не царь, тотчас же-де и бежал от него. Этим самым показанием отец мой и спас себя, остался без наказания. А других прочих из нашей братии куда как крепко жарили плетьюми, кто до конца держал его сторону и считал его за царя, а иных смертью казнили.

— А кто он был по-твоему? — спросил я Рыбинского.

— Знамо кто: Петр Федорович! Об этом и толковать нечего, — отвечал Рыбинский.

А потом, когда я высказал совсем противное мнение, старик заговорил:

— Коли нам веры нет, можно, чай, поверить командирам. После того как он бежал из-под Татищевой, нагнали в наш город много солдат и гусар. Гусарский командир у нас в доме квартировал и почаству с отцом моим беседовал об нем, расспрашивал, каков он из себя. Отец, не таясь,

сказывал: такой-де и такой.

— А нет ли на лице у него знака какого? — спросил гусарский командир.

Отец сказал: — Есть!

— Какой? — спрашивает гусарский командир.

— Под левым глазом маленький рубчик, — говорит отец.

— Ну, так и есть! — сказал гусарский командир и вскочил индо с места. — Самый он и есть, Петр Федорович!

— А другим прочим командирам куда как противно было, коли казаки показывали об нем, что он не Пугач, а царь, — продолжал Рыбинсков. — Бывало, пригонят к допросу казаков, поставят в ряд и по одиночке с крайнего начнут допрашивать:

— Как признаешь Пугача? — спрашивают командиры.

— Как вы, так и я! — отвечает иной казак.

— Однако как? — спрашивают командиры.

— Знамо как: император! — скажет казак.

— Врешь!!! — говорят командиры и цыкают. — Он подлый казачишка! Понимаешь ли, пустая твоя борода?!

— Понимаю-ста, — говорит нехотя казак. — Быть по-вашему: казачишка — так казачишка.

— То-то же! — говорят командиры. — И вперед так говори: он подлый казачишка!

— Слушаю-ста! — говорит казак, а сам думает, как бы только отделаться.

А со стороны иной казак не вытерпит, да и скажет:

— Зачем напрасно корить человека? какой он казачишка? Разве казак, — вот это дело!

— А! — кричат командиры. — Не казачишка, казак! Так мы же вам покажем. Э! Плетей!

И отдерут бедняжку, словно сидорову козу. А за что? Не хотел Пугача назвать паскудным именем: казачишкой. После того всякий и говорит, что угодно командирам, а в душе-то у каждого другое... Да ничего не сотворишь, супротив начальства не пойдешь: сила солому ломит. Есть когда бы в самом деле то был Пугачев, то-ись донской казак Емельян Пугачев, а не Петр Федорович, то Мартемьян Михайлович Бородин не пропал бы! — прибавил Рыбинсков. — А ведь всему миру известно, — заключил старик, — что Бородин сгинул в Питере. А от кого? Все от него же, то-ись от Петра Федоровича: он его и допек!